1917–2017

И.Г. ЯКОВЕНКО

Мышление революцией

В статье ставится вопрос о месте и роли революции вообще и Октябрьской революции, в частности, описываются процессы, положившие начало формированию большевистской идеологии и победе большевиков. Стадиальное состояние и цивилизационная специфика России задали смещение эсхатологического возбуждения традиционалистских масс в контексте хилиастического проекта на эпоху промышленного переворота, когда возникла принципиальная осуществимость альтернативы магистрального сценария исторического развития. Союз радикальных интеллигентов и широких масс, в равной степени осененных социалистической перспективой, сломал зашедший в тупик “старый порядок” и открыл новую страницу мировой истории. Большевистская революция решала задачи классической буржуазно-демократической революции, что и обеспечило победу большевиков в Гражданской войне. Однако, поскольку хилиастический проект принципиально неосуществим, ибо противоречит природе как человека, так и социальных отношений, социалистический эксперимент завершился закономерным образом.

Ключевые слова: социализм, цивилизация, революция, радикальная интеллигенция, хилиастический проект, большевизм, архаика, общинно-крестьянское сознание, православие, культура, исторический выбор.

Сегодня, в контексте столетия событий 1917 г. – имеется в виду Февральская революция, последовавший за этим большевистский переворот, а также Гражданская война, закрепившая результат этого переворота, – невозможно уйти от обсуждения темы, вынесенной в заголовок статьи. Сто лет – достаточный срок, чтобы отрешиться от мифов, преодолеть мощнейшие идеологические схемы и, по крайней мере, попытаться посмотреть на интересующее нас событие беспристрастно, вне партийных позиций и идеологических предпочтений. Понимание этого феномена, имеющего всемирно-историческое значение, ставит вопросы о природе России, ее месте в мировом целом, позволяет осознать настоящую эпоху и представить себе наиболее вероятные перспективы нашего дальнейшего бытия.

Обращаясь к проблеме, надо учитывать историко-культурный и идеологический контекст, в котором проходит обсуждение темы революции. Никогда с 1917 г. и по сей день в нашей стране об Октябрьском перевороте нельзя было говорить спокойно и отстраненно, как, скажем, о Реформации или войнах диадохом.

Прежде всего имеет смысл определиться с самим понятием “революция”, с его погружением в определенный политический и идеологический контекст. В Советском

Яковенко Игорь Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: 125939 ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6. E-mail: igjack@yandex.ru

Союзе слово “революция” имело сакральный смысл. Важнейшими вехами европейской истории последних двух веков мыслились буржуазно-демократические революции, которые продвигали мировую историю и готовили “Великую Октябрьскую Социалистическую”. Последняя представлялась как ключевое событие, открывавшее новую эру в истории человечества. Советский Союз и коммунистический проект вырастали из этого события, в нем правящий режим черпал свою легитимность, поэтому большевистская революция представляла как безусловное благо. И эту оценку разделяло большинство советского общества (по крайней мере, послевоенного). Люди старших поколений хорошо помнят духовный климат 60–80-х гг. XX в. В исповедальной поэзии Б. Окуджавы, не имевшей ничего общего с казенной идеологической конъюнктурой, есть строчки: “Я все равно паду на той/ на той единственной Гражданской/ и комиссары в пыльных шлемах/ склонятся молча надо мной”. Так пишут об экзистенциально значимых личных ценностях.

В 1990-е гг. новых акцентов в трактовке революции как универсального понятия не обнаруживалось. Шли напряженные баталии вокруг интерпретации большевистской революции. Само понятие “революция” несколько пооблекло, поскольку лидеры новой России не отваживались называть события августа 1991 г. революцией. Перемены наступили в 2000-е гг. Медленно, но неуклонно на идеологическом горизонте российского общества прорисовывались контуры классической охранительной идеологии. В этой парадигме революции предстают как чуждое духу народа, заемное средство политической борьбы, к которому прибегают “группы интересов” (конечно же, своекорыстных), ведомые внешними силами.

Странно, но никто не говорит о нравственном измерении данной модели трактовки исторических событий. В рамках этих побасенок сотни тысяч и миллионы людей, выходящих на центральные площади своих столиц, трактуются не как граждане, совершившие акт нравственного и гражданского выбора, но предстают темными и неразумными, ведомыми опытными манипуляторами. С помощью названной объяснительной модели можно легко ранжировать внешнеполитические перемены. Все, что представляется враждебным и не входит в “наши” планы (то есть планы политической элиты и обслуживающих ее идеологов), — неважно, идет ли речь о постсоветском пространстве, бывших “народных демократиях” или арабском мире, пережившим собственную “Весну народов”, — объявляется происками стратегического противника. Что автоматически снимает любые вопросы о внутренней обусловленности произошедшего, логике исторической эволюции и историческом выборе, который в переломные моменты истории совершают все народы (разнятся лишь формы такого выбора).

Бессмысленно обсуждать, нужна или не нужна революция — где бы то ни было, в том числе и в России в 1917 г. Случайных революций не бывает. Процессы, в которых участвуют статистически значимые массы, в нашем случае миллионы людей, неизбежны и закономерны. Это объективный исторический процесс. При всей трагичности революций они принципиально неустраимы. В революциях находит свое разрешение конфликт между устойчивым структурным началом любого общества и универсальным императивом изменения. Ответственность за революции в большей степени лежит на элитах, которые располагают интеллектуальными и организационными ресурсами для понимания реальности, постижения логики истории и формирования вменяемой политики, но не обнаруживают способности перешагнуть идеологические барьеры и пожертвовать малым, чтобы спасти многое. И в меньшей степени — на широких народных массах, которые однажды отказываются терпеть и сметают “старый порядок”.

Никто не представляет себе отдаленных последствий любой революции. Однако во все времена подавляющая масса вовлеченных в революцию людей переживают ее апокалиптически, как конец нетерпимого положения вещей и наступления новой эры — эры всеобщей справедливости и счастья. Для данной категории революции — праздник, пространство идеального бытия. Как человек, заставший людей, переживших эту ужасную и прекрасную эпоху, свидетельствую: принявшие сторону

революции сохраняли описанное переживание до конца своих дней. Несмотря на все ужасы и разочарования. Истоки такого переживания кроются в основах религиозного сознания и даже глубже, в архетипах коллективного ритуального действия.

Теперь имеет смысл остановиться на устоявшемся определении исследуемого явления. “Великая Октябрьская” не была революцией в собственном смысле. Замечу, что большевики первые 10 лет события 25 октября 1917 г. называли “большевистский переворот”. В общем случае под революцией понимают смену политического режима, которая произошла в результате стихийного выступления народных масс. Люди выходят на улицы столицы, армия отказывается стрелять, переходит на сторону восставшего народа, и “старый режим” падает. Если же власть в результате захвата центров управления государством переходит в руки организованной силы, то это — переворот, военный или политический.

Далее любой переворот проходит процедуру верификации. Общество либо принимает его результаты, либо отвергает их, и тогда начинается гражданская война или происходит контрпереворот. В нашем случае после разгона Учредительного собрания началась Гражданская война. В том обстоятельстве, что 25 октября 1917 г. в Петрограде произошел переворот, нет какого-либо умаления рассматриваемого события. Нет и попытки представить его как нечто внешнее или случайное, поскольку большевистский переворот был подтвержден на всероссийском референдуме под названием Гражданская война. Речь идет о чистоте жанра и корректности использования терминов.

Почему большевизм родился и победил в России?

Как мы знаем, марксизм появляется в Европе. Пройдя путь от идеологической доктрины до политического движения, революционно-максималистское учение препрело существенные изменения. Социал-демократы были легитимным элементом европейского политического пейзажа, двигали свои страны в сторону формирования социального государства и не несли какой-либо угрозы нормальной исторической эволюции. В Европе были свои радикалы — анархисты, бланкисты, но они оставались на периферии общественной жизни. Совершенно иное дело — большевистская идеология, или, в принятой у нас терминологии, марксизм-ленинизм, — специфически российское явление, зародившееся на периферии европейского целого, в застойном православном обществе. И эти обстоятельства существенны. Большевистская идеология и вырастающая из нее политическая практика складывались в процессах взаимопроникновения общинно-крестьянского и радикального интеллигентского сознания.

История свидетельствует: на рубежах Средневековья и Нового времени, когда рушится освященный традицией устойчивый порядок патриархальной жизни, традиционалистские массы, прежде всего крестьяне, пассионаризируются. Расцветает эсхатологическая истерия. Убеждение в том, что погрязший в грехах мир близится к своему неизбежному концу и “верные” войдут в Царство Божие, которое придет на смену этому миру, становится едва ли не всеобщим. Хилиастические движения собирают под свои знамена десятки тысяч людей. Савонарола в Венеции, Мюнцер в Германии, табориты в Чехии, луддиты в Англии; разные по масштабам и идеологическим оттенкам, эти движения объединяются глубинным побудительным мотивом: категорическим неприятием Нового времени и интенциональной устремленностью к исходной точке истории человечества, которая мыслилась как райская жизнь — до денег, до социального неравенства, до эксплуатации, до смерти, болезней и страданий.

Замечу, что все крестьянские войны заканчиваются поражением в силу фундаментального обстоятельства: низовые хилиастические движения не располагают жизнеспособным планом альтернативного устройства общества. Люди Мюнцера жгли склады с зерном и отказывались пахать землю и сеять хлеб, пребывая в убеждении, что Христос, который придет вскоре, найдет, как накормить своих воинов. Россия пережила подобное движение в начале XVII в. В советской исторической науке за ним

закрепилось название Крестьянская война Ивана Болотникова (1606–1607 гг.). Казаки и “воры” (так на языке эпохи называли любых преступников) несли чистое разрушение. Для обывателя это выливалось в сплошное разорение и убийства. Ставившее своей целью восстановление государства, Первое и Второе ополчение боролось как с польской интервенцией, так и с казаками. Закончилось это предприятие ожидаемо: Болотников ослеплен и утоплен, атаман Иван Заруцкий посажен на кол.

Вера в хилиастический проект требует напряженного религиозного сознания, пророческой убежденности в неизбежном и скором триумфе сакрального Должного. Вошедшая в Новое время секулярная Европа изжила этот тип миропереживания. К XIX в. средневековое Должное умерло. Соответственно, сектор общества, способный к радикальной политической позиции, минимизировался и оказался оттесненным на периферию общественной жизни. Эксперимент Парижской коммуны был скоротечным и закончился неудачно.

Совершенно иное дело – Россия. Специалисты указывают: 30–40-е гг. XIX в. были зоной качественного рубежа. В недрах феодального сословно-крепостнического общества начинается саморазвитие капиталистического сектора экономики. Постепенно складывается общенациональный рынок. Система образования приносила ощутимые плоды: в России формируется заметный по своим объемам слой европейски образованного общества. Россия, по крайней мере в городах, начинает входить в Новое время. Замечу, именно в это время возникает явление, получившее название “российская интеллигенция”.

В то же самое время разворачивается кризис крепостного крестьянства, рушится традиционный порядок патриархальной жизни. А это неизбежно создает условия для пассионаризации: эсхатологическое томление, темные пророчества “калик переходящих” и других “божьих людей”. Непоколебимое убеждение в том, что наступают последние времена, создавало идеальную почву для поисков качественной альтернативы.

В конце XIX в. произошло ключевое событие, обеспечившее победу большевиков, – радикальная российская интеллигенция встретила с мощной народной стихией. Их объединяло категорическое неприятие вектора исторического развития, который все отчетливее прорисовывался по мере перехода к Новому времени.

Первая попытка единения радикальной интеллигенции и народных масс – “хождение в народ” была реализована в 1870-е гг. (так называемым революционным народничеством) и особого успеха не принесла. Большевики работали в том же направлении, но не с крестьянской средой, а с массой вчерашних крестьян, переместившихся в города и ушедших на фабрики и заводы. Безоговорочное, нутряное отторжение “буржуазного мещанского царства” (Н. Бердяев) объединяло всю русскую интеллигенцию от А. Герцена до интеллектуалов Серебряного века. Народные массы, то есть актуальные или вчерашние крестьяне, со своей стороны ненавидели “кулака-мироода” и отталкивались от города, в котором видели гибель дорогого им патриархального мира. На этом пространстве происходило взаимопроникновение смыслов, обогащение большевистской мифологии манихейскими моделями миропонимания, эсхатологическими мотивами, формировались представления о нормальных и этически допустимых методах реализации своих идеалов. В отличие от хилиастических движений прошлого, адептам марксизма-ленинизма удалось сформулировать и реализовать *реальную альтернативу* тому обществу, которое они отвергали, – чудовищную, экономически неэффективную, но жизнеспособную (во всяком случае, в горизонте жизни двух-трех поколений).

Всякий раз, когда я слышу или читаю патетические пассажи об ужасах трагического этапа советской истории и зверствах большевиков, у меня возникает вопрос: разве эти люди прилетели с Марса? Или были посланы враждебной внешней силой? И комбедовцы, и монстры карательной системы выросли в России, впитали ее дух. Они – органическое порождение национальной психеи. Вот что пишет по этому поводу М. Давыдов – «Большевики были органической частью этого общества, в котором были очень серьезные проблемы с моралью и нравственностью, хотя слова “этика”

и “справедливость” в нем были чрезвычайно популярны, общества, в котором было место нечаевщине и террористы считались “святыми людьми”, в котором еврейские погромы осуждались, а погромы помещиков именовались “иллюминациями» [Давыдов 2016, с. 881].

В российской реальности испокон веков присутствовала ничтожная стоимость человеческой жизни, манихейская убежденность в том, что враг человеком не является. Это — орудие в руках Дьявола, то есть абсолютного зла. Культура, в которой репрессии пронизывали все уровни бытия и по временам принимали чудовищные формы (клеймение, вырезание ноздрей, кнут, батоги), была органической чертой российской реальности. В XVII в. большевиков в России не обреталось, а решение о казни “Ивана Воренка” — трехлетнего сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек — принималось верховной властью. Тяжело больного ребенка палачи на руках несли к виселице. Чем данный эпизод российской истории принципиально отличается от практики большевиков?

Мы не имеем права забывать об этих фундаментальных обстоятельствах. Для того чтобы называть вещи своими именами, необходимо интеллектуальное мужество. Надо со всей определенностью сказать, что идея социализма была выношена российским обществом, а большевики стали именно той силой, которая смогла реализовать в отечественной реальности упования крестьянства (“черный передел”) и образованного общества (“социализм”). То обстоятельство, что результат этой реализации оказался пугающим и обеспечил историческое снятие движущих сил названной революции, содержит в себе одну из главных проблем осмысления итогов XX в. отечественной истории.

Российская интеллигенция и социализм

Тема “социализм и образованное российское общество” заслуживает особого рассмотрения. Начну с того, что левая идеология, идеи социализма и коммунизма представляют собой универсальный интеллектуальный соблазн, разворачивавшийся на пространствах христианского мира со второй половины XIX и до конца XX в. Сегодня, после краха мирового коммунизма, обаяние левых идей несколько поблекло, носители этих представлений ушли в антиглобалисты, сместились в сторону маргинального спектра. Но еще 40–50 лет назад “левые” интеллектуалы занимали профессорские кафедры университетов, а “левый” дискурс считался хорошим тоном в приличном обществе. (Впрочем, “маятник истории” вполне может качнуться и в другую сторону.)

Культурные и исторические истоки левой идеологии — тема большого и серьезного разговора. Это мифологии Прогресса и Просвещения, соблазн торжества “должного” или хилястическая утопия, мощный антиличностный пафос. И наконец, просвещенческая философская антропология.

Несколько слов о больших мифологиях XVIII–XX вв. Надо различать проект Просвещения и идеологию Прогресса и их мифологизированное осмысление. Массовый человек неизбежно мифологизирует любую философскую или научную традицию, попадающую в поле его зрения. Такова природа вещей. Мифологически трактованные Просвещение и Прогресс стали базовыми технологиями обретения Царства Божия на земле. Опираясь на достижения науки и техники, ведомый светлой идеей просвещенный народ создаст общество изобилия, похоронит пережитки старого мира и позволит войти в Беловодье. Реальные Просвещение и Прогресс могут обеспечить построение современного общества со всеми его противоречиями, проблемами и узкими местами. В деле построения Светлого Будущего они бессильны, поскольку Светлое Будущее не может построить никто, никогда и ни при каких обстоятельствах, ибо будущее это противостоит природе человека. Человек, как и любой другой биологический вид, вариативен в своих проявлениях. Встречаются, конечно, и святые, и злодеи, но массовый человек работает в силу необходимости (понукаемый надсмотрщиком или из-за перспективы голодной смерти) и, при первой же возможности, “гребет под себя”.

Мифологизация народа – профессиональное заболевание российской интеллигенции. Забывая заповедь “не сотвори себе кумира”, российский интеллигент с момента своего возникновения страдает болезненной любовью к простому народу, по отношению к которому испытывает чувство неизбывной вины. Истоки и психологические механизмы этого феномена – специальная тема. Замечу только, что русский интеллеktуал XVIII в. не страдал подобными переживаниями и спокойно дистанцировался от традиционно-архаической массы, которая принадлежала иной стадии исторического развития.

Народ – носитель идеала общинной жизни, счастливо избежавший дробления синкретического целого. В этом отношении наш народ полярно противостоит мещанину, обывателю, который отринул “должное”, попрал вечные законы добра и справедливости. Рефлекторное, в подлинном смысле нутряное отторжение буржуазного индивидуалиста и выстраиваемого им мира критериально для русского интеллигента: настоящий человек должен думать о великом и служить сакральным целям. По существу, идеальный образ, в соответствии с которым классический российский интеллигент выстраивал себя, – “монах в миру”. Для историка культуры очевидны религиозные истоки такого миропереживания.

В отличие от неграмотного крестьянина, русский интеллигент читал Новый Завет и Отцов Церкви. Базовая для раннего христианства идея “Царство Мое не от мира сего” (Иоанн: 18.36), отрешения от посустороннего, земного, во имя идеального мира божественной истины стала основополагающей установкой интеллигентского сознания. Просвещение и секуляризация сменили номинации божественных инстанций. Царство Божие и жизнь вечная трансформировались в светлое будущее всего человечества, мир всеобщего счастья и вселенской гармонии. Ради этого только и стоит жить на земле. С этих позиций прагматичный европеец секулярной эпохи, вписанный в *этот* мир, твердо стоящий на ногах, обустроивающий свою жизнь и жизнь своих близких, омерзителен как предавший божественное предназначение человека.

Сам же российский интеллигент – существо двойственное. Европейское образование ориентирует его на рациональное миропонимание, автономию личности, либеральные ценности. Однако его бэкграунд, традиционно-архаическая подкладка вопиет о греховности автономизировавшегося субъекта, ничтожности его мира и исторической обреченности буржуазного общества, которое, конечно же, рухнет, уступив место подлинно справедливому и прекрасному будущему.

Народопоклонство выросло из ценностной диспозиции интеллигентского миропонимания. Традиционный крестьянин принадлежит миру нераспавшегося синкретизма. Девственная чистота его сознания не замутнена мертвящей премудростью рационального знания. Он неизмеримо ближе к невербализуемой, магической истине. Социализм прекрасен *a priori*, так же, как *a priori* прекрасен Рай. Это – конвенция, не подлежащая обсуждению. А крестьянин, живущий в общине, уже приобщен благодати социализма. (За это отдельное спасибо барону фон Гакстенхаузену, открывшему в 1843 г. русскую передельную общину, трактуемую им как заслон на пути европейской революции в России.)

Об антиличностном пафосе российского интеллигента, о стадийных и качественных (в нашем случае православных) истоках этого шла речь выше. Скажу несколько слов о философской антропологии или трактовке природы человека. Революционно ориентированный интеллигент отторгал антропологический пессимизм, трактовавший человека как несовершенное существо, подверженное порокам и склонное руководствоваться скорее эмоциями, нежели разумом. Предельно упрощая, сторонники социалистической перспективы исходили из того, что *человек по своей природе благ*. Но не всегда и не при всех обстоятельствах. Природа человека открыта соблазнам праздности, обогащения, властолюбия, которые налипли за века существования в классовом обществе. Но если, убрав эти соблазны, создать общество, ориентированное на лучшее в человеке, люди вернуться к своей естественной,

исходной природе. Иными словами, паразитарная и хищническая стратегия бытия коренится *не в природе человека*, но в драматическом опыте истории.

Суммируя, ответ на вопрос — почему большевизм родился и победил в России — можно сформулировать следующим образом: стадийное состояние и цивилизационная специфика России задали смещение эсхатологического возбуждения традиционалистских масс в контексте хилиастического проекта на эпоху промышленного переворота, когда возникла принципиальная осуществимость альтернативы магистрального сценария исторического развития. Союз радикальных интеллигентов и широких масс, в равной степени освоенных социалистической перспективой, сломал зашедший в тупик российский “старый порядок” и открыл новую страницу мировой истории. Большевистская революция решала задачи классической буржуазно-демократической революции, что, в конечном счете, и обеспечило победу большевиков в Гражданской войне.

В описываемую эпоху в сознание прагматичного и твердо стоящего на земле западноевропейца хилиастические идеи не укладывались. Совершенно иное дело — православный мир. История XX в. показывает, что все православные общества в критической фазе модернизационного перехода “сваливаются” в коммунистический проект. Единственное исключение — Греция, которую, во время гражданской войны 1946–1949 гг. спасли английские парашютисты. В Югославии коммунисты победили в ходе национально-освободительной гражданской войны. В Болгарии после государственного переворота в сентябре 1944 г. к власти приходят коммунисты. Близкий сценарий разворачивался в Румынии. Замечу, что истории католических, а также протестантских обществ стран “народных демократий” (ГДР, ПНР, ВНР, ЧССР) полны народными движениями и восстаниями против местных коммунистических режимов. Что же касается православных обществ, то здесь ни масштабных выступлений, ни попыток выйти из игры (таких, например, как “Пражская весна” 1968 г.) не было.

Политолог Д. Ольшанский понимает социализм советского типа как “реакцию на поспешную индивидуализацию, своего рода откат в прошлое”, в реальности, где не было отчуждения, а психика носила не дезинтегративный, но целостный характер. Основной механизм консолидации общества при социализме — массивная идеологическая обработка населения. Соответственно, замедление темпов развития, геронтократия, отказ от инноваций — неотвратимые, органические последствия восстановления *квазитрадиционного общества*, трактуемого Ольшанским как своеобразный исторический компромисс между традиционной ментальностью широких масс и императивом модернизации. С социально-психологической точки зрения социализм есть реванш массовой психологии в ответ на попытку поспешной и во многом насильственной индивидуализации человеческой психики [Ольшанский 2001].

Чем была бы Россия без Октябрьской революции? Думаю, без революции дело бы не обошлось. Можно также обсудить — что было бы, проиграв большевики в Гражданской войне? Скорее всего, утвердился бы жесткий режим личной власти, как минимум, авторитарной. Сложнее описать идеологическое измерение постреволюционного общества. По внутрисоюзному раскладу можно ожидать идеологию фашистского спектра. Однако фашизм утверждался в обществах, более или менее однородных этнически. Россия же — континентальная империя, в которой бок о бок (что отличает континентальные империи от колониальных) живут различные по конфессиональным и этническим признакам народы. В таком случае можно ожидать победы универсалистского учения, отторгающего этноконфессиональные различия и объединяющего любые народы, что, собственно, и случилось. В свете этих соображений можно полагать утверждение мягкой формы великорусской идеологии. Диапазон вариаций от маршала Ю. Пилсудского и генералиссимуса Ф. Франко к кондуктору И. Антонеску.

В современном гуманитарном знании есть понятие “диктатура развития”. Мне представляется, что Россия 20–30-х гг. XX в. была обречена на диктатуру развития. А поскольку внутри ведомого диктатурой общества нет источников самодвижения, диктатуры развития фатально трансформируются в диктатуры застоя. В любом случае

объективные характеристики общества диктовали консервативную модернизацию и становление квазитрадиционного общества. Разумеется, ни о каких 500 миллионах населения, несказанном расцвете и статусе ведущей страны мира говорить не приходится. Экономические успехи оказались бы скромнее, зато количество крови и страданий было бы существенно меньше.

Россия – родина одной из двух великих тоталитарных идеологий XX в. Именно здесь был реализован проект построения коммунистического общества. И это – событие всемирно-исторического масштаба. Принятый большей частью населения хилиастический проект, его постоянная идеологическая обработка и масштабное государственное насилие позволили мобилизовать огромный объем социальной энергии, который сделал Россию сверхдержавой.

С эпохи инока Филофея российская политическая элита претендовала на статус мистического и идеологического центра Вселенной, а с начала XIX в. последовательно боролась за мировое господство. Разумеется, цель эта каждый раз описывалась в терминах борьбы за утверждение истинной веры и абсолютного блага. Никогда Россия не была так близка к этой цели, как на пике существования СССР – в 1950–1960-е гг.

Мирового господства не случилось, процессы модернизации остановились в конце 1960-х гг. Что же произошло? Удалась переработка исторического материала, который вовлек страну в коммунистический проект. К 70-м гг. прошлого века пресекалось воспроизводство традиционного российского крестьянства. Деревня кончилась, писатели-”деревенщики” пропели ей величественную отходную. В 1990-е–2000-е гг. из активной жизни уходит последнее поколение российских интеллигентов – шестидесятники XX в., наследовавшие в своих базовых характеристиках традиционному интеллигенту. В последующих поколениях этот тип сознания не воспроизводится.

В течение 70 лет коммунистического эксперимента история решала объективные задачи развития страны. Причем совсем не те, которые имели в виду деятели эпохи Революции и Гражданской войны. А когда возможности советской формы социокультурного целого были исчерпаны, оно распалось, и на наших глазах разворачивается следующий этап отечественной истории.

Весь XX в. Россия отдала новой религиозной истине, которую выстрадало и выпестовало российское общество. Истина эта по определению носила универсальный характер. Русский народ и другие народы СССР осознали свою историческую миссию как донесение обретенной истины до всего человечества. На это были истрачены все наличные силы, положены гигантские ресурсы. Ради этого были реализованы циклопические проекты. Но *человечество отказалось* от перспективы “светлого будущего”. Коммунизм не стал мировой религией. В борьбе за мировое господство Советский Союз ввязался в военно-технологическую гонку с блоком мировых лидеров, надорвался в этой гонке и рухнул. Крах коммунистического проекта и “общества реального социализма” стал краеугольным событием, завершающим XX в. и открывающим эпоху перехода мира к новому порядку. Советский Союз был политической оболочкой коммунистического проекта. Крах коммунизма означал конец империи.

Как и почему все кончалось?

Советский период отечественной истории многообразен. Выделю один аспект, значимый для рассмотрения. Во второй половине XX в. Россия вступила в секулярную эпоху (понятие “секуляризация” употреблялось в СССР в формально-правовом смысле, как отделение церкви от государства). Реально же большевики реализовывали политику, направленную на уничтожение православия. Секуляризация в общеевропейском смысле – процесс трансформации социальных отношений, культуры и человеческой личности, связанный с формированием светского общества и светской культуры. Надо со всей определенностью сказать: индоктринированный советский человек был человеком верующим. Просто в комплекс его верований входило представление о том, что Бога нет, а церковь есть институт, несущий вредный и опасный дурман.

Однако с начала XX в. в России шла городская революция. Советский проект впитал в себя идеологию Просвещения. Советская власть осознала, что образование — важнейший фактор конкуренции между двумя социально-экономическими и политическими системами. На эти цели расходовались огромные ресурсы. Объемы высшего, среднего и среднего специального образования выросли на порядок. Промышленное производство стало основой экономики. Массовый человек переместился в качественно иной социальный и информационный контекст, сознание его менялось. Десталинизация и банкротство советского проекта ознаменовали увядание хилиастического утопизма и веры в Великого земного бога. Но секуляризация автономизирует человека, размывает аскетический идеал, подтачивает норматив равенства в бедности и, разумеется, девальвирует эсхатологический оптимизм. Акцент с жизни во имя будущего сменяется на жизнь в настоящем.

Идеологический климат зрелого советского общества предполагал самоотверженный труд на благо последующих поколений. Но жизнь есть жизнь. В мире убогого ширпотреба и растущего год от года дефицита формировалась непереносимая усталость. В годы войны и послевоенную эпоху миллионы одетых в военную форму мужчин своими глазами увидели Европу, в реальность вошли понятия “ленд-лизовская” (кожаная куртка, ботинки) и “трофейное”. Потом, в 1960-е гг. появилось волшебное (“иномарка” и знаки престижа) “импортное” и “фирменное”. Эти реалии хоронили хилиастическое сознание. Равенства во всеобщей нищете или скромном достатке не получилось. В зрелом советском обществе сложилось привилегированное сословие — начальники, хозяйственники, статусные деятели культуры, хотя по сегодняшним меркам их привилегии были достаточно скромными. Равенства не было, его и не могло быть, ибо такое равенство противостоит природе человека. Осознание этой реалии разрушало утопическое сознание. Серый и невыносимо убогий быт советского человека становился непереносимым в сравнении с картинками, открывающимися через отверстия в ржавеющем железном занавесе. В конце концов, само советское общество изверилось в коммунистической перспективе и изжило советский проект. Первыми к этому пришли наиболее гибкие люди в правящей элите и интеллигенция. А затем началась перестройка, и замороженный дефицитом советский потребитель одержал стратегическую победу. Сладостное видение прилавков, на которых разложено тридцать сортов колбасы, заслонило образы Города Солнца.

В чем проблемы современного постсоветского общества?

В самом общем виде главная проблема в том, что советский проект самоисчерпался, а постсоветский человек не обнаруживает готовности и способности жить и работать по-другому. Не так, как он привык делать это за последние 150—200 лет. Репрессированный в течение 70 лет частный интерес вырвался наружу и принял пугающие формы. Выяснилось, что “жизнь по закону”, то есть в соответствии с нормативной моделью социальных отношений (а это — единственно возможный способ существования эффективной и динамичной рыночной экономики), отторгается подавляющим большинством наших соотечественников, для которых естественно “жить по понятиям”. Но это — тупик, однозначно обрекающий Россию на путь в третий мир.

Понятия “легалистское”, или “законническое, сознание”, прежде смотревшиеся как достаточно экзотические реалии из другого мира, вдруг оказываются актуальными, ибо закон существует только тогда, когда норму закона разделяет все общество. В противном случае мы имеем дело с муляжной структурой. Обнаружилось, что “наш человек”, сталкиваясь с реальностью, в которой надо повиноваться законам и нельзя тащить все, что плохо лежит, переживает чувство метафизического протеста и, после болезненной попытки перестройки возвращаясь в родные пенаты, испытывает чувство облегчения. Можно представить себе ситуацию, при которой воровать, захватывать чужое или давать взятки стало бы опасно. Но важнее, по-моему, создать в обществе такую атмосферу, при

которой все это, да к тому же переходить дорогу на красный свет, оставлять мусор в лесу и т.п. стало стыдно. А как это сделать пока никто не знает.

Без утверждения священной частной собственности как всеобщей нравственной конвенции у России нет будущего. А сочетается ли право собственности с российским социокультурным целым — пока не ясно. В порядке исторической справки замечу: в России никогда не было безусловной частной собственности как всеобщего права. В этом смысле советский этап лишь обнажал и заострял описанную традицию. В равной степени Россия не сможет выстроить современное общество без формирования реальных демократических институтов и действительной вовлеченности большей части граждан в управлении товариществом собственников жилья, муниципальными органами местного самоуправления, региональными законодательными собраниями и, наконец, общегосударственными демократическими институтами. Пока же мы наблюдаем тотальную пассивность, отчуждение большинства населения от государственных институтов и патерналистскую позицию “маленького человека”, рассчитывающего на помощь начальства. Эти и другие проблемы нашей современности актуализуют осмысление событий 1917–1922 гг. Большеви́стская Революция и судьбы России в XX в. будут и далее притягивать к себе внимание исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Давыдов М.А. (2016) Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте–Столыпина. СПб.: Алетейя. С. 881.
Ольшанский Д.В. (2001) Психология масс. СПб.: ПИТЕР.

Thinking Revolution

I.G. YAKOVENKO*

*Yakovenko Igor — doctor of philosophical sciences, professor, Department of history and theory of culture, Russian State University for Humanities. Address: 125939, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6. E-mail: igjack@yandex.ru

Abstract

The article raises the question of the place and role of revolution in general and the October revolution in particular. The author describes the processes that set the formation of the Bolshevik ideology and the victory of Bolsheviks. Due to the stadial and civilizational specificity of Russia the eschatological exploitations of traditionalist masses within a chiliastic project were put off to the of times the industrial revolution, when an alternative to the main scenario of historical development became possible. The alliance of radical intellectuals and the masses equally blessed by the socialist perspective broke the, “old order” stalemate and opened a new page in the world history. The Bolshevik revolution solved the problem of classical bourgeois-democratic revolution, which actually ensured the Bolsheviks victory in the Civil war. However, since the chiliastic project is impossible, because it contradicts the human nature and the nature of social relations, the socialist experiment ended in a natural way.

Keywords: socialism, civilization, revolution, radical intellectuals, chiliastic project, Bolshevism, archaic communal peasant consciousness, Orthodoxy, culture, historical choice.

REFERENCE

- Davydov M.A. (2016) *Dvadsat' let do Velikoy voiny: Rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolykina* [Twenty Years before the Great War: Russian modernization of Vitte-Stolypin]. St.-Petersburg: Aleteya.
Ol'shansky D.V. (2001) *Psikhologiya mass* [Psychology of Masses]. St.-Petersburg: PITER.